

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ю. С. Сорокин

**РАЗВИТИЕ
СЛОВАРНОГО СОСТАВА
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА**

**30-90е годы
XIX
ВЕКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 5

Индивидуум и произв. *Индивидуум* — впервые у Кир. и Д¹; *индивид* — Д²; *индивидуальный* — Р . . ф . . ц, Кир., Д¹; *индивидуальность* — Кир., Д¹. Белинский приводит слова *индивидуум* и *индивидуальный* в ряду тех, которые «считаются у нас книжными, смешными и дикими и навлекают на себя глумление невежд,⁷³ если употребляются и не в раз-

мер конца 20-х гг. (Вестн. Евр., 1828, № 21) на аналогичное употребление сущ. *идеализирование* — см. Веселитск., с. 111.

⁷¹ Таким образом, и здесь критика Белинского стремилась придать словам этим тесный терминологический смысл, направленный против общего и неопределенного осмысления их в рамках романтического направления. Но след этого «романтического» осмысления остался в продолжающемся обычном употреблении слов *идеализация*, *идеализировать* как синонимов «приукрашивание», «приукрашивать», т. е. представить какое-либо явление лучше, чем оно есть в действительности. Ср. хотя бы следующие примеры: «Г. М. имеет сильное стремление идеализировать действительность и в повестях из русской жизни берет себе героев вроде Дон Карлоса и Маркиза Позы» (Москвит., 1853, № 5, Журналистика, с. 46); «Им более не нужно было идеализировать перед Белинским свои поступки, которые на деле были далеки от идеальности» (А. Панаева, с. 130); «Под влиянием этой привязанности я его разукрашаю, идеализирую, ставлю на пьедестал» (Все тот же [П. Ткачев]. О почвенниках новейшей формации; Дело, 1876, № 2, с. 177) и т. п.

⁷² Ср. Яновск.: «*Идеология. Речь. метаф.* Рассуждение, слово о идеях» и соответственно: «*Идеолог.* Занимающийся наукою о идеях»; Р . . ф . . ц: «*Идеология.* Так в новейшее время французы называли метафизику, не теряя ее».

⁷³ Белинский имеет в виду прежде всего издательства со стороны «Северной пчелы». См., напр., фельетон С. Навроцкого в № 31 этой газеты от 10 февраля 1841 г., где Белинский насмешливо именуется *индивидум*. «Вы, может быть, хотите знать, что такое „индивидуй“, — пишет Белинский в ответной полемической заметке, — это искажение слова „индивидуум“, значение которого известно

говоре, а в рассуждениях об умственных предметах»⁷⁴ (IX, с. 226). Сам Белинский часто употребляет *индивидуум*, *индивидуальный*, *индивидуальность* (см., напр., I, с. 32, 96, 263, 343; II, с. 35, 369; III, с. 53; IV, с. 115 и мн. др.). У него же находим и форму *индивид* (II, с. 250, 296; III, с. 21 и др.). Последняя форма становится обычным вариантом слова *индивидуум* к 60-м гг. XIX в. Из производных — *индивидуализировать(ся)*: «И это общее... начало индивидуализироваться в предметах царства животного» (Бел., V, с. 313; ср. с. 655); *индивидуализация*: «Не есть ли эгоизм одно и то же с индивидуализацией, с этим сосредоточением и обособлением, к которому стремится все сущее как к последней цели?» (Герц., II, с. 96); *индивидуализирование*: «индивидуализирование этих [субстанциальных] сил в различные божества [у древних]» (Бел., V, с. 32). Так же обычны они и у ряда других авторов 1830—1840-х гг. (В. Майков. В. А. Милютин и др.). Слова *индивидуум*, *индивидуальность* закрепились в употреблении 40-х гг. ввиду настоятельной необходимости выразить понятие личности, отдельного лица как самостоятельной и деятельной единицы, в обстановке напряженной борьбы передовых людей этого времени за права личности и ее свободу. Ср. характерное в этом смысле высказывание славянофила А. И. Кошелева, цитируемое К. Марксом (см. Архив Маркса и Энгельса, XI, с. 45): «Пристрастие к произволу у нас так сильно, что мы охотно ему подчиняемся, если только нам дада возможность произвольничать над другими... Люди в России совершенно не ценят индивидуальность. Самое это понятие у нас так мало в ходу и в силе, что если бы мы употребили для выражения этой мысли русское слово „самость“, то многим пришлось бы, пожалуй, отыскивать его в словаре Даля. Это есть не что иное, как следствие прежней, далеко еще не исчезнувшей крепостной зависимости».⁷⁵ Параллельно со словами *индивидуум*, *индивидуальность* явилось и новое осмысление у слова *личность*.⁷⁶ Любопытно, что в это время еще употребляются и слова *неделимое* и *неделимый*, как кальки лат. *individuum*. Во вторую половину XIX в. эта калька постепенно сходит на нет, уступая права заимствованному слову.⁷⁷

всякому знающему французский язык, потому что слово „индивидуум“ есть то же самое, что *individu*. А искажено оно в *индивидуа*, потому что такова участь всех слов, употребляемых „Отечественными записками“» (V, с. 86—87). Впрочем, форма *индивидуй* продолжает употребляться затем в разговорной речи, преимущественно с иронико-посмешистым оттенком. Напр.: «— Да, действительно, — грузно рассмеялся толстяк, — купчина этот, видно, самых галаптерейных правил индивидуй» (Марков.. VIII, с. 28); «Еще не успел я дойти до блаженного состояния забытья, как мое внимание привлёк к себе один, по выражению моего приятеля, индивидуй» (М. Авдеев, Соч., т. I, СПб., 1868, с. 261) и т. п.

⁷⁴ Хотя можно заметить, что слово *индивидуальный* (и даже *индивидуальность*) встречалось и в журналистике 20-х гг. *Индивидуальность* («свойство индивидуального») см. у Пушкина. См. также примеры на употребление слов *индивидуум*, *индивидуальный*, *индивидуальность* из журналов конца 20-х гг. (Веселитск., с. 19—22). Впрочем, в речевой практике этого времени, так же как и второй половины XVIII в., обычны разного рода русские замены, а иностранные слова выступают иногда при этом как их смысловые уточнения. Нередко для передачи понятия «индивидуум» создавались специальные слова и словосочетания: разные у разных авторов. Таковы были новообразования XVIII в.: *неделимый* или *неделимое* (существо), *нераздельное* или *неразделимое* (существо), *единственный* (см. Радищ., V, с. 93, 95), *единственность* (в смысле: индивидуальность; там же. с. 6), *особенник* (там же, V, с. 124). См. также: *единственный человек* (*l'individu*) в переводе Я. Козельского (Статья о правоучительной философии и частях ее из Энциклопедии. Перевел Я. Козельский. Ч. II, СПб., 1779, с. 55, 56).

⁷⁵ А. И. Кошелев. Наше положение. Берлин, 1875, с. 127—128.

⁷⁶ См. об этом в гл. II, с. 203. Ср. у Белинского: «Пока еще трудно определить решительно, в чем заключается особенность, так сказать, индивидуальность и личность таланта г. Достоевского» (IX, с. 551).

⁷⁷ Ср. Слов. 1847: «*Педелимое*. *Individuum*. Каждый отдельный предмет из многих однородных». Д¹ дополняет и уточняет: «Предмет или существо., особь».

В 40—60-х гг. появляются и другие производные: *индивидуализм*,⁷³ *индивидуалист* и пр. Напр.: «Бессилие так называемого индивидуализма» (М... З... К... [Ю. Самарин]. О мнениях «Современника» исторических и литературных; Москвит., 1847, II, с. 144); «Для выражения общего понятия о личном характере действий человека есть еще слово „индивидуализм“» (Н. Шелгунов. Отживающие слова; Русск. слово, 1863, № 6, с. 47); «Невозможно представить себе ни одной деревни, где бы не нашлось хотя бы одного индивидуалиста» (Русск. мысль, 1883, № 2, отд. II, с. 163); «Пропаганда переходит из индивидуалистической в массовую» (Сев. вестн., 1886, № 5, отд. II, с. 40) и т. д.

Конкретный и произв. Впервые Кир.: «дапный, определенный»; Мнх. 1865: «конкретное понятие»; Бурд. с пометой «Философ.»; затем — Д². С 1830-х гг. начинает употребляться в московских философских кружках, так же как и другие слова этого корня (*конкретность*, *конкретировать(ся)*, *конкретирование*, *конкреция*, *конкрет*). Ср. у Белинского: «Прямухинская гармония и знакомство с идеями Фихте, благодаря тебе, в первый раз убедили меня, что идеальная-то жизнь есть именно жизнь действительная, положительная, конкретная, а так называемая действительная жизнь есть отрицание, призрак, ничтожество, пустота» (Письмо М. А. Бакунину от 16 авг. 1837; XI, с. 175); «Конкретное тождество идеи с формой» (II, с. 288); «конкретная действительность» (II, с. 507); «Слово делается *слитным* [с идеею, — Ю. С.], *сросшимся* (*конкретным*, говоря философским термином)» (V, с. 194); «[Определение основной идеи] всего легче в неконкретных, мнимохудожественных произведениях» (II, с. 564) и т. д. У него же неоднократно находим и истолкование термина: «*Конкретность* производится от *конкретный*, а конкретный происходит от латинского глагола *conspicere* — *срастаться*. Это слово принадлежит новейшей философии и имеет обширное значение. Здесь мы употребляем его, как выражение органического единства идеи с формой. *Конкретности* противопоставляется *отвлеченность*» (II, с. 438; 1838 г.); «Основною идеею художественного произведения может быть только так называемая на философском языке „конкретная“ идея, т. е. такая идея, которая в самой себе включает и свое развитие, и свою причину, и свое оправдание и которая только одна может стать разумным явлением, параллельным своему диалектическому развитию» (III, с. 481).

Слово встретило резкие возражения со стороны пуристов (см. об этом: Бел., IX, с. 470—471). Ср. замечания И. Покровского: «Конкретность

Любопытно, что в ранних произведениях Герцена «О месте человека в природе» (1832; I, с. 16), «О неделимости в растительном царстве» (перев. с франц., 1830; I, с. 361—365) встречается только русская калька. Ср. там же: «неделимость (*individualitas*) почек» (I, с. 362). У Белинского: «В царстве животном особенность является еще и индивидуальностью (неделимостью)» (V, с. 655). Но Белинский же замечает позднее: «Если некоторые пуристы слова: *индивидуум* и *факт* заменяют словами *неделимый* и *быть*, так это только смешно» (IX, с. 473). В произведениях Герцена конца 30—40-х гг. *индивидуум* и его производные встречаются часто (ср., напр., I, с. 26, 29, 33; II, с. 7, 63, 65 и др.), а *неделимое* уже не употребляется. Однако *неделимое*, как сказано, находим изредка у ряда авторов и позднейшего времени. Ср.: «Не только неделимые имеют жизнь, но и виды и роды» (Писар. (Павл.), III, с. 496); «Клеточка составляет первичную форму каждого неделимого» (Н. Шелгунов. Земля и органическая жизнь; Русск. слово, 1863, № 8, с. 9).

⁷³ Во французском языке сущ. *individualisme* закрепилось в середине века. Ср. характерное признание в книге французского либерального идеолога этого времени: «Наши предки не знали слова индивидуализм, которое мы для себя выковали, потому что в их время не было на самом деле индивидуума, который не принадлежал бы к группе и который мог бы сглаживать себя совершенным соблюдением от других» (А. Токвиль. Старый порядок и революция. Научно-популярная библиотека под ред. Э. Д. Гримма, Пгр., 1918, с. 113).

противоположна отвлеченности, а потому не яснее и не лучше ли было бы сказать: в вещественности» (Москвит., 1853, № 17, Смесь, с. 38).

С 1860-х гг. слова *конкретный*, *конкретность*, выйдя за рамки собственно философских контекстов, становятся обычными в языке публицистики, газеты, научной книги. Ср., напр.: «Во всех его [бельгийского буржуазного экономиста Молинари] сочинениях.. трудно отыскать конкретную идею или оригинальный взгляд» (Благ., с. 123); «Если перевести это рассуждение Шаврова с отвлеченного языка на конкретный, то окажется, что причиной падения классической цивилизации г. Шавров считает язычество» (Писар. (Павл.), IV, с. 493). Слово *конкретный* становится близким по смыслу слову *определенный*, обычным антонимом не только слова *абстрактный*, но и его русского синонима *отвлеченный*. Ср. также и в произведениях художественной литературы: «Конкретность внешнего мира подавляет его [глушовца]» (Салт., III, с. 259); «Он решал все сложные вопросы конкретно, а не в отвлечении» (Златовр., II, с. 18).

В философских контекстах в 1830—1840-е гг. встречались также слова *конкрет*, *конкреция*, не удержавшиеся в употреблении. Ср.: «Жизнь греческого народа была цветом древней жизни, конкрецией ее элементов» (Бел., IV, с. 590; здесь в смысле «сгущение, высшее проявление»); «тесное и живое слияние [конкреция].. противоположностей» (Бел., IV, с. 165); «Какой огромный шаг [у Гегеля в «Философии природы»] в освождении от абстрактных сил.. и какой перевес качеству, конкреции» (Герц., II, с. 349); «Живой факт может только в абстракции быть знаем мыслью, .. но как конкрет он выпадает из нее» (Герц., II, с. 252) и т. п. В контекстах философского характера в 30—40-х гг. также — и гл. *конкретировать(ся)*; (ср.: «Сумасшествие есть отвлеченная идея, которая *конкретируется* только в явлении» (Бел., III, с. 180); «Это развитие поэзии совершается в них [произведениях литературы] последовательно, конкретируя в них свои моменты» (К. Акс., Ломоносов, с. 15); «Это перехождение общего в явление, это полное конкретирование совершается необходимо в живом законе развития» (там же, с. 16)) и т. д.

Глагол в этой форме не закрепился в употреблении; современные формы *конкретизировать* и пр. в их общем значении входят в употребление поздно (их не отмечает даже Мих. 1898).

Объект, объективный; субъект, субъективный. Существительные *объект* и *субъект* в специальном научном употреблении встречались еще в XVIII в.⁷⁹ Эти термины в их логико-философском смысле получают хождение с 30—40-х гг. XIX в. и теперь уже не только в рамках научного контекста. Правда, наличие старой (XVIII в.) кальки слова *объект* — *предмет* ограничивало употребление заимствованного существительного,⁸⁰

⁷⁹ Ср. в дидактическом романе Ф. Эмина «Приключения Фемистокла» (СПб., 1763): «Принимание и разделение суть склонности объекта» (с. 190). Значительно реже можно было встретить и *субъект* (*субъектум*). См. примеры из Д. Кантемира (Книга системы или состояние мухамеданския религии. СПб., 1722), приводимые у Г. Хютль-Ворт (Foreign Words in Russian. Berkeley and Los Angeles, 1963). Сущ. *объект* толкуется у Яновск. Там же и прил. *объективный*, но только в составе терминологического сочетания, относящегося к области оптики, *объективное* [т. е. предметное] *стекло*. Любопытно, что и его русское соответствие *предметный* еще Слов. 1847 толкует только как «наводимый на предмет» и иллюстрирует сочетанием «предметное стекло». Слово *субъект* не отмечено ни у Яновск., ни в Слов. 1847. Обычными выразителями этих понятий в логическом смысле были сущ. *предмет* и *подлежащее*. Примеры на употребление прил. *объективный* и его русских соответствий из произведений конца XVIII—первой трети XIX в. см. Веселитск., с. 86—87.

⁸⁰ Впрочем, семантико-фразеологические возможности, предоставляемые словом *объект*, не вполне совпадали с таковыми у слова *предмет*. Ср. возможность

но зато *субъект*, распространяясь в литературном и разговорном языке, претерпело характерную смысловую эволюцию,⁸¹ а прилагательные, не получив семантически адекватных русских заместителей, прочно вошли с середины века в книжный язык. Ср. употребление этих слов в философских контекстах у Белинского в 30—40-х гг., нередко с подстановкою русских заместителей: «Мышление.. обуславливает собою существование двух противоположных .. сторон духа .. это — дух *субъективный* (внутренний, мыслящий) и дух *объективный* (внешний первому, мыслимый, предмет мышления) .. Два противоположные друг другу предмета — мыслящий (субъект) и мыслимый (объект)» (IV, с. 587—588); «Преобладание внутреннего (субъективного) элемента в поэтах обыкновенных есть признак ограниченности таланта. У них субъективность означает выражение личности, которая всегда ограничена, если является отдельно от общего» (IV, с. 520) и т. д. Ср. у Герцена: «[Граповский] везде покорялся объективному значению событий» (II, с. 123); «Русский историк стоит на почве, которая ему чрезвычайно облегчает объективное симпатическое воззрение на западную историю» (там же); «Методы Бэкона — не более как личное (субъективное) и внешнее предмету средство понимания» (III, с. 272). С 50-х гг. слова *объективный* и *субъективный* и производные от них существительные на *-ость* становятся уже общеупотребительными и не вызывающими сомнения (ср. и обычные фразеологические сочетания *объективная истина*, *объективная* (и *субъективная*) *поэзия* и т. д.).⁸² Вот некоторые примеры: «Автор не имеет в своем таланте никаких объективных свойств» (Москвит., 1853, № 1, Журналистика, с. 137); «Совершенно объективных поэтов быть не может; совершенно объективы могут быть только математические выкладки да разные сведения из натуральной истории, статистики и т. п.» (Добр., III, с. 142); «[Софисты] совершенно отрицали существование объективной истины» (Писар. (Павл.), IV, с. 489); «Объективность не всегда может быть признана в критике великим достоинством» (Писар., I, с. 77) и т. д. Сравнительно поздно, в обстановке борьбы различных общественно-политических групп и течений 70-х гг., являются также сущ. *субъективизм* и *объективизм*. Ср. в статье П. Ткачева «Роль мысли в истории»: «В последнее время в нашей литературе много толковалось о субъективизме и объективизме» (Дело, 1875, № 9, с. 91); см. также: «Кочубинскому свойствен полнейший произвол и „субъективизм“» (Бод. де Курт., Реп., с. 35); «Такого бесстрастного объективизма, какого желает г. Градовский в публицистике, не существует даже и в истории» (Дело, 1876, № 12, Калейдоскоп, с. 141) и нек. др.

От 30—40-х гг. идет и глаг. *объективировать* (первоначально в форме *объектировать*). Ср.: «В лице Алеко.. Пушкин бессознательно бичевал самого себя, свой образ мыслей и, как поэт, чрез это *художественное объективирование*, освободился от него навсегда» (Бел., XI, с. 380); «Строгие эстетические ценности хотели, чтоб он [Кокорев] дольше *вынашивал* в душе свои произведения, давал своим очеркам больше стройности, больше *объективировал* их» (Добр., IV, с. 266).

Принцип. Впервые Д¹: «Научное и нравственное начало, основание, правило, основа, от коей не отступают»; также Толль, Марк., Угл., Бурд.

рассматривать как объект не только собственно предметы, но и явления, лица. Ср.: «В его [миroeда] глазах община есть объект для эксплуатации» (Салт., XVI, с. 487); «Массы составляют объект нашей деятельности» (Л. Толст., XXXII, с. 398).

⁸¹ См. об этом в гл. III (с. 435—437).

⁸² Ср. еще у Белинского употребление слова *предметный* в смысле «объективный»: «Мы должны обнимать ее [действительность] в целостности и притом предметно, так, чтоб наша личность, наши отношения не заслоняли ее от нас» (IV, с. 490).

Личность.⁵¹ И это слово, с чисто формальной точки зрения, не является неологизмом данного времени. Существительное на *-ость* от прил. *личный* было образовано в XVIII в.⁵² Оно отмечено впервые в САР^{2, 53} Но значения, с которыми выступало это слово в XVIII в., еще так «окказиональны», дробны и размельчены, еще так зависимы от значения соответствующего прилагательного и так далеки от обобщенного и вместе с тем терминологически-определенного значения этого слова в дальнейшем его употреблении, что в сущности невозможно говорить о непрерывной смысловой эволюции этого слова на протяжении XVIII—XIX вв.

Еще Слов. 1847 определяет слово *личность* следующим образом: «1. Отношение одного лица к другому. Никакая личность не должна быть терпима в службе; 2. Колкий отзыв на чей-либо счет, оскорбление. Не должно употреблять личности». Конечно, эти словарные определения не исчерпывают всей суммы значений, которые были известны слову в употреблении XVIII—первой четверти XIX в. Помимо этих частных, специфических его осмыслений, оно употреблялось и в более общем смысле. Но этот общий смысл был еще очень неопределенным, понятийно не ограниченным. Ср. следующие примеры из журнальных статей начала века: «Писать оную [рецензию] единственно для юных авторов, без брани, не касаясь личностей» (Сев. вестник, 1804, II, с. 294); «Не худо начал было и редактор „Московского Меркурия“, если б не приметно в нем было духа партии и личности» (там же, 1805, VII, с. 288); «[Сатира], под рукою человека неискусного или правного, становится орудием мщения, *личностию*; а сатира личная (даже справедливая) заключает в себе нечто отвратительное» (Моск. Мерк., 1803, IV, с. 44) и т. п. В литературном языке начала века упоминание о *личности* чаще всего заключало неодобрительный смысл; общее неопределенное значение слова соскальзывало в более специфическое, узкое: *личность* выражало прежде всего пристрастное отношение лица к чему или к кому-либо, а затем и прямое оскорбление лица. Именно это суженное, «неодобрительное» осмысление безусловно господствовало в обиходной речи первой четверти XIX в.

Значительно реже в это время слово *личность* употребляется в более широком, общем смысле. Внешне эти случаи легко смешать с позднейшим употреблением слова. Однако при более внимательной оценке в них чаще обнаруживается лишь очень общий, формальный смысл («все, связанное с лицом, относящееся к нему, личное»), — не более. Ср. «Где будет прежний ты [после разрушения мозга], где твоя особенность, где личность?» (Радищ., Соч., II, с. 190); «Но столь явная его [человека] личность, столь единственное его я, от всего в нем отделенное и все в себя собирающее» (там же, с. 47); «Чувство бытия, личность, душа — все существует только потому, что вне нас существует» (Карамз., ПРН,

⁵¹ См. об этом слове: В. В. Виноградов. Из истории слова «личность» в русском языке до середины XIX в. (Докл. и сообщ. филологич. фак. МГУ, вып. I, 1946, с. 10—12).

⁵² Ср. у В. В. Виноградова несколько иную формулировку: «Это слово сформировалось не ранее второй половины XVII в.» (там же, с. 11; разрядка наша, — Ю. С.). Однако материалов, подтверждающих более раннее образование слова, он не приводит.

⁵³ Там оно толкуется так: «Отношение в каком-либо случае собственно к одному чьему лицу. *Правосудию не свойственна личность*». Это буквально повторяет и Слов. Сок. Впрочем, ср. в «Полном французском и российском лексиконе» (т. II, СПб., 1786, с. 258) *личность* как синоним *personnalité* с характерным, однако, ограничением: «обыкновенно же берется в худую сторону и значит язвительность, язвительная речь собственно до кого принадлежащая».

II, с. 9).⁵⁴ В этих еще редких случаях отвлеченного употребления есть бесспорно предпосылки для дальнейшего формирования терминологического значения. Но они еще не делают погоды. Не случайно, что эти случаи были просто не замечены составителями тогдашних словарей

В журналистике 30-х гг. происходит под влиянием новых взглядов на значение личного, индивидуального начала в духовной жизни человечества резкое изменение общего значения слова *личность*. Это, как уже сказано, лишь с поверхности можно приять за новое семантическое преобразование уже существующего слова. На самом деле слово *личность* в этом новом смысле («индивидуальность», а также «индивидуум», само лицо как носитель внутренние присущих ему свойств, как сознающая себя особь) правильнее рассматривать как новообразование этого времени, как новое слово, находящееся к старому в чисто омонимических отношениях. Это хорошо осознавалось современниками. Беллинский считал *личность* в этом смысле переводом франц. *personnalité*, относя его к ряду слов, получивших право гражданства в литературном языке его времени (IX, с. 226—227). С. Шевырев писал в «Очерках современной русской словесности»: «Вопрос о личности, ее значении и действии в нашей литературе есть один из деятельнейших в ней вопросов. Никогда еще так много о личности не говорили — и никогда так не вызывали ее к действию. Замечательная перемена, последовавшая даже в значении этого слова относительно к его употреблению. Прежде под именем *личности* разумели оскорбление, наносимое лицу; в таком смысле говорили: „Он сказал мне личность“. Теперь разумеют под именем личности все права человеческие лица на развитие и уважение» (Москвит., 1848, № 1, с. 35).

Итак, слово *личность* в 20—30-х гг. как бы вновь входит в русский язык в новом своем значении, никак не связанном прямо, а напротив, противопоставленном старому значению. Эти значения с первого момента их столкновения в языке рассматриваются как явно несовместимые, омонимические. Если при старом положении вещей слово *личность* означало преимущественно нечто недопустимое, нежелательное и предосудительное, то теперь оно, в новом смысле, выступает как один из девизов времени. Борьба за личность, за самостоятельность и самостоятельность лица, за свободное, не стесняемое произволом раскрытие всех его творческих сил и возможностей приобретает первостепенное значение в передовой литературе этого времени. Слово *личность* вступает в один ряд со словами *индивидуум* и *индивидуальность*, которые также прочно закрепляются в русском языке с этого времени. Именно соотношение этого слова с указанными заимствованными словами определяют теперь семантические его границы, а его старый специфический и ограниченный омоним сходит со сцены и постепенно превращается в слово устарелое.⁵⁵

⁵⁴ Но и у Радищева и Карамзина *личность* чаще является в смысле оскорбления лица или личного поношения. Ср. «Если ослепленный судия судит в неправду, и защитник невинности издает в свет его коварный приговор, если он покажет его ухищрение и неправду, то будет сия личность, по дозволить можно. Если же называть его станет именованиями смрадными и бранными словами поносить, как то на рынках употребительно, то сия есть личность, но язвительная и недозволенная. Личность, по язвительная личность, есть обида» (Радищ., Путеш., с. 300); «Говорят отрывками, все личности, жаргон, язык, непонятной для чужестранца» (Карамз., ПРП, V, с. 237). Другие примеры на употребление слова *личность* в смысле «индивидуальность» из произведений первой трети XIX в., особенно 20-х гг., см. Веселитск., с. 118.

⁵⁵ Впрочем, в языке 30-х гг. это старое употребление еще достаточно обычно. Ср. «По говор страстей, крик отношении, возгласы личности ничего не доказывают» (П. Пол., I, с. 361); «Случайное мое положение доставляло мне средство наблюдать ее [русскую литературу] со вниманием и без всякой личности»

Теснее всего на первых порах своего употребления слово *личность* в этом смысле соотносится со словом *индивидуальность*. Оно означает прежде всего совокупность особых свойств и качеств индивида, особи, лица. В эти годы слово *личность* поэтому чаще всего выступает в зависимом, а не абсолютном употреблении, в сочетаниях *личность кого, чего или чья личность*. Ср.: «Совмещая личность, отдельный быт и характер писателя с событиями общественными, опи [исторические записки], с одной стороны, возвышают цену частных подробностей, с другой — оживляют мертвую важность тех фактов, которых в истории видели бы мы одни голые остоны» ([О. Сенковский]. Сказания современников о Димитрии Самозванце; Библ. для чт., 1835, № 1, с. 1); «Это трогательное изображение судьбы бедного юного поэта, в котором не трудно узнать личность самого Шекспира» (Библ. для чт., 1835, № 2, Смесь, с. 80—81); «Все события вытекают из индивидуальностей действующих лиц, их личностей и характеров, всей их *непосредственности*» (Бел., III, с. 212); «В лирической поэзии поэт является нам субъектом, и потому-то в ней так часто и такую важную роль играет его личность, его я» (там же, с. 434) и т. п. В этом смысле, сближаясь по значению со словами *индивидуальность, особность* (неологизмом философского языка 30-х гг.),⁵⁶ *характер*, слово *личность* обычнее всего относится к лицу, к сознающему себя индивиду.

Но в языке 30—40-х гг. оно часто относится также и к совокупности лиц, а также к различным проявлениям их деятельности. Вот некоторые примеры этого: «Поколение, образуясь, двигаясь и постепенно достигая до самосознания, выражает оное в баснословном единстве, которое движется и растет вместе с ним. Чувствуя свою возрастающую личность, оно почитает ее за силу внешнюю, и обожает наравне со всеми другими силами» (Э. Кинне. О природе и истории относительно к преданиям мифологическим и эпическим (перевод); Моск. Телегр., 1832, XLIII,

(О. С. [Сенковский]. «Новоселье», Библ. для чт., 1834, № 5, с. 26); «Я останусь тверд в своем мнении, которое не есть следствие личности или каких-нибудь расчетов, но следствие любви к истине» (Бел., I, с. 370). У Герцена в произведениях 30—40-х гг. еще сталкивается *личность* и в старом и в новом значении. Ср.: «В Петербурге все литераторы — торгаша; там нет ни одного круга литературного, который бы имел не личность [т. е. личный интерес], не выгоду, а идею свяую» (II, с. 37); «Мы целовальники, взятые из другого края, у которых не может быть личностей ни против кого, ни за кого» (II, с. 123); но: «Без сомнения, личность — действительная вершина исторического мира» (II, с. 155). В дальнейшем *личность* в старом смысле встречается главным образом в сочетании *переходить (перейти) на личность*.

⁵⁶ Ср., напр.: «Отчего же им [Москве и окружающим ее губерниям] было вдруг утратить свою особность?» (Герц., II, с. 187). В тех же философских кружках 30—40-х гг. употреблялось сущ. *самость*, встречающееся у отдельных писателей (особенно славянофильского направления) до 60-х гг. «*Наша самость, особенность, народность* постоянно, как жизнь, уходит из-под различных более или менее тесных рамок, накладываемых на нее извне» (А. Григ., I, с. 548). *Самость* встречалось еще у масонов XVIII в. Напр.: «Не имею толико в себе силы, чтоб мог отвергнуться самого себя, всей своей злой воли, проклятой самости» (письмо А. И. Веревкина А. М. Кутузову от 31 декабря 1790 г. См.: Я. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в., Пгр., 1915, с. 68). Более специфическими по смыслу были употребительные в тех же кружках *ячный* и *ячность*, как синоним слова *эгоизм*, также не удержавшиеся в языке. Ср.: «Эгоизм сосредоточенный есть только болезненное, исключительное, сумасшедшее проявление ячности, которая имеет сильный, резкий голос во всех начинаниях людских» (Герц., II, с. 277). Сущ. *ячность* не было также неологизмом этого времени. Его употреблял, напр., Н. П. Николев. См. его объяснения по поводу критических нападений на это слово. «Слово *ячность*, не мною переведенное и давно уже пекоторыми хорошими нашими переводчиками употребленное, разожгло противу себя их [критиков] сердце», — писал он (Творения, ч. III, М., 1795, с. VI). Кого имел в виду Николев, говоря об употреблении до него сущ. *ячность*, установить не удалось. В смысле «эгоизм» употреблялось и *ячество* (Бел., X, с. 281—282).

с. 15—16); «Тут являлась личность народа, поглотившая в себе все частные личности» (Бел., III, с. 348); «Общество или народ не есть отвлеченное понятие, но живая личность, единое тело и единая душа» (там же, с. 338); «Смелое государственное развитие, выступление на сцену Русп как политической личности и выступление русских личностей в парод» (Герц., V, с. 24); «Журнал должен иметь свой характер, свой образ мнений, свою, так сказать, личность вследствие мысли, которая служит оплотнением всех его действий» (Бел., II, с. 544) и т. и. Не трудно заметить, что в основе этих рассуждений о личности народа, поколения или литературного органа лежит характерное уподобление их отдельному лицу.⁵⁷ Однако предпосылки для такого расширительного употребления лежали еще и в семантике самого существительного («совокупность характерных, особенных свойств», «особность»). Такое употребление слова *личность* постепенно угасает, не находит себе в дальнейшем развития.⁵⁸

Слово *личность* все более, напротив, тяготеет к новому абсолютному употреблению. Его значение сосредоточивается специально на выражении человеческого особи, с присущим ей самосознанием и всеми характерными ее особенностями.⁵⁹ Уже в 40-е гг. мы можем наблюдать случаи такого абсолютного употребления, где *личность* выступает как синоним индивида, лица. Причем к этим же годам относится и известная детерминизация слова. Оно начинает прилагаться не только к лицу, сознающему себя, стоящему на известной ступени своего духовного развития, но и вообще ко всякому отдельно человеку как особи.⁶⁰ Безразличное употребление слов *человек*, *лицо*, *личность* все чаще можно наблюдать в языке 60-х гг. Таким образом, складывается, помимо терминированного значения, новое общерасговорное употребление. Ср.: «До сих пор рябит в глазах от различных личностей, на которые посмотрелся в это время» (Отеч. зап., 1848, № 3, Внутренние известия, с. 58); «Вглядитесь в личности, действующие в повести Писемского» (Писар., I, с. 172); «В вагон вошла личность угрюмого вида» (Чех., V, с. 134); «Одна личность просила меня приберечь на время ее бумаги» (Л. Толст., XXXII, с. 292) и т. д.⁶¹

⁵⁷ Такое уподобление нередко являлось, напр., у Белинского. Ср.: «Народ есть *личность*, как отдельный человек» (III, с. 325).

⁵⁸ Впрочем, ср. его и у отдельных публицистов 60-х гг. Напр.: «На чем видны те отличительные черты, которыми определяется национальная личность, живая и свободная в своем поступательном движении?» (Р. Р. [Г. Благовестов]. Незданные сочинения и переписка Карамзина; Русск. слово, 1862. № 3, с. 58).

⁵⁹ Такое абсолютное употребление для обозначения самого лица, носителя известных свойств легко складывается на фоне частого предикативного употребления слова *личность* в философских определениях 30—40-х гг. Ср. у Белинского: «Прежде всего, всякий человек есть особность, есть личность, индивидуальность, которая есть исходный пункт всех его действий и необходимое условие его действительности» (III, с. 338); «Ум — это человек в теле или, лучше сказать, человек через тело, словом, *личность*» (X, с. 27).

⁶⁰ Такой сдвиг в употреблении слова с возмущением отметил в своем фельетоне Булгарин, цеплявшийся за устарелое узкое значение слова. «Наши так наз. нынешние гении, которые создают новый русский язык, — писал он, — не довольствуясь словами, которые были достаточны Карамзину, Жуковскому, Пушкину, Грибоедову для выражения мыслей и чувствований, дали старым словам *новое* значение. Словом *личность* у нас всегда обозначалось язвительное слово, относящееся к какому-нибудь лицу. Теперь *личность* употребляют вместо лица. В № 11 фельетона „Санктпетербургских ведомостей“ мы читаем „В рассказе . . . являлись *комические личности*“ Иппо подумает, что г. Вопплярярский писал против кого-нибудь *личности*! Ничуть не бывало! фельетонист хотел сказать, что в рассказе являлись комические лица (personnages comiques)» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина; Сев. пчела, 1835, № 13, с. 50).

⁶¹ Насколько «опростилось» в этом смысле слово *личность* во второй половине XIX в., хорошо показывает одна реплика действующего лица в романе Б. Марке-

В современном литературном языке отложились, таким образом, три основных направления в употреблении слова *личность*, последовательно возникшие в 30—40-х гг. XIX в. Это, во-первых, употребление его в зависимом положении, в смысле «все особое, характерное, присущее лицу, особенности его сознания и характера» («личность человека»); во-вторых, абсолютное, личное употребление в строго ограниченном смысле — личность, как лицо себя создающее, особое (в этом смысле слово *личность* противопоставляется обществу, массе; на такое употребление оказали сильное воздействие споры о личности и ее роли в историческом процессе, протекавшие во второй половине XIX в.);⁶² наконец, употребление разговорного характера, «безразличное» к терминологической определенности слова, так сказать, «прономинативное», при котором слово *личность* оказывается простым заместителем слов *лицо, человек, даже* личных местоимений (ср.: «разговор шел о моей личности», т. е. обо мне).

В этой истории одного слова, очерченной здесь лишь в самых общих, крупных чертах, отчетливо выступают три момента, показательные для истории книжной лексики этого времени вообще.

Во-первых, решительный разрыв с традицией старого употребления. Различие между семантикой слова до 30-х гг. и после этого времени столь велико, что слово в новом значении воспринимается как явный неологизм.

Во-вторых, решающее воздействие на семантическое развитие слова со стороны ведущих направлений философской мысли этого времени. Употребление его в передовой критике и публицистике 30—40-х гг. определило его судьбу в литературном языке. Быстрота усвоения его общим употреблением не может не поражать нас.⁶³

В-третьих, эта быстрота усвоения книжного слова общим употреблением приводит к известной утрате им строго терминологических черт, к известной неопределенности его синонимических отношений с другими словами (*личность* и *лицо, человек*).

Народность. Это слово возникает и бурно входит в литературное употребление 20-х гг. XIX в. Едва ли не впервые его употребил П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 22 ноября 1819 г., там, где речь шла о национальных чертах в русском поэте, «о народности замашек коренных». Употребив незнакомое слово, Вяземский спрашивает: «Зачем не перевести *nationalité* — *народность*?»⁶⁴ Поляки сказали же: *narodowość*! Поляки не так брезгливы, как мы, и слова, которые не добровольно пере-скакивают к ним, перетаскивают они за волосы, и дело с кошлом. Прекрасно! Слово, если пужно оно, укоренится» (Остафьевский архив кн. Вяземских, т. I, СПб., 1899, с. 357—358). Из этих строк ясно, во-пер-

вича «Бездна»: «С этим вполне почтенным лицом случилось на днях весьма неприятное приключение. Или, выражаясь правильнее, *столкновение* с другою личностью, как как „лицом“ его собственно назвать нельзя. Представь себе педоросля из дворян, как говорилась встарь, богатого и ни к чему не годного маленького сына» (IX, с. 272). Ведь *лицо*, помимо своего общего значения, в разговорной речи определенных социальных кругов этого времени означало также человека с положением

⁶² Ср. утверждение наиболее рьяного защитника особой, ведущей роли личности в истории, П. Л. Лаврова: «Бесспорно, что реальны в истории лишь личности; лишь они желают, стремятся, обдумывают, действуют, совершают историю» («Роль науки в период Возрождения и Реформации»; Отч. зап., 1868, № 10, с. 658).

⁶³ В 40-х гг. слово в новом смысле воспринимается даже представителями реакционных направлений, отнюдь не сочувствовавшими теориям о свободном, нестесненном развитии личности. В этом смысле показательное появление его на страницах «Москвитинца»

⁶⁴ Франц *nationalité* передавалось как *национальность* еще писателями XVIII в. (ср.: К. Петров Словарь к сочинениям Фонвизина, СПб., 1904), — Ю. С.

(там же, с. 160).

Субъект. Экземпляр. С середины XIX в., особенно в речи разночинческой интеллигенции, распространяется употребление слова *субъект* как обозначение лица. Такое употребление не имеет прямого отношения к тому общему отвлеченному значению слова *субъект* (в противоположность *объекту*), которое укрепились в книжном языке начиная с 30-х гг. под влиянием философской терминологии.¹⁴³ Зато оно непосредственно связано с профессионально-научным употреблением слова у медиков и физиологов, где слово *субъект* обозначало именно объект исследования и наблюдения, живое существо, организм, особь как носителя определенных свойств и качеств, подлежащих наблюдению. Конечно, на судьбу этого слова в русском литературном языке оказало влияние и его общее значение в других европейских языках, напр. в латинском и французском, где, среди других смысловых реализаций этого слова, является и

с. 398). И далее: «В физиологических... очерках лиц разных сословий он — истинный порт. потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, т. е. не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле — воспроизведения действительности во всей ее истине» (с. 399). Реже является при обозначении литературного жанра слово *патологический*. В этих случаях сохраняется явная и подчеркнутая образная связь с исходным значением данного слова. Ср. название полемиического фельетона в «Искре» (1862, № 10): «Юмористические опыты А. А. Краевского (Патологический этюд)».

¹⁴² Ср. у Велинского: «Патриарх московских романистов, г. Загоскин, издал если не роман, то физиологию Москвы в рассказах и сценах, под названием „Москва и москвичи“» (VII, с. 637). Ср. у В. Майкова: «Сверх того в „Партикулярной ларе“ [Я. Буткова] есть очень занимательный абрис петербургских купеческих конторщиков высшего полета русских и немецких: это — одна из самых ловких физиологий петербургского общества» (I, с. 190).

¹⁴³ См. замечания об истории распространения этого слова в русском языке в гл. I, с. 80—81.

осмысление его как лица действующего и говорящего.¹⁴⁴ Но то характерное осмысление,¹⁴⁵ которое получило затем это слово отнесения его к отдельному лицу, и не менее характерные контекстуальные условия, в которых первоначально выступает оно в данном смысле, прямо указывают, что и здесь имел место смысловой «перенос», путь от специального употребления (медицинского) к общему. Следует заметить, что с развитием научно-популярной литературы слово *субъект* в его естественно-научном терминологическом смысле все чаще является на страницах журналов. Ср., напр.: «Эта повесть [«Бедные люди»] похожа на долгий, тяжелый опыт над живучим, терпеливым субъектом, которого физиолог обрек в жертву для псытания чувствительности нервов» (Отеч. зап., 1848, № 3, Библиографическая хроника, с. 13—14); «Выходят зобастые птенцы. Он [любитель голубей] выбирает из них самых зобастых и спаривает их с другими зобастыми; ну, и является, наконец, после многих систематических спариваний и после тщательного избрания самых характерных субъектов такая птица, на которую смешно смотреть» (Писар. (Павл.), с. 322); «Попробуйте дать любому из субъектов, содержащихся в психиатрической больнице, такой круг действий, каким пользовался Калигула — и вы увидите точно такие же гадости и нелепости» (Писар., II, с. 76) и т. д.

Развитие у слова *субъект* собственно личного значения из этого более специального, но с семантической стороны более широкого значения (вообще любое существо как объект наблюдения) находит и свое грамматическое подтверждение. Еще в 60-х гг. не редкость встретить это слово, даже когда оно относится к лицу, в формах, не отражающих категорию лица и категорию одушевленности. Напр.: «С любопытством осматривал я каждый новый субъект, появлявшийся в ванной комнате и доставлявший мне развлечение среди томившей меня скуки» (П. Н. Р-в. Тайны желтого дома; Русск. слово, 1861. № 12, с. 19);¹⁴⁶ «Несколько лет тому назад на семинариста обратили внимание тогда только, когда надо было, в повести, например, какой-нибудь, выставить субъект неуклюжий, не умеющий выражаться по-человечески, выпускающий из уст своих книжные старославянские фразы, запуганный и забитый в нравственном отношении» (И. Самоцветов. Повести из семинарского быта; Отеч. зап., 1865, № 6, с. 484) и т. д.

Однако с 60-х гг. употребление слова *субъект* в личном значении становится уже чрезвычайно распространенным. Вступив в обширный ряд синонимов, обозначающих отдельное лицо (*человек, лицо, личность, особа, персона* и т. п.), слово *субъект* семантически оказалось, однако, не просто совпавшим с ними в этом общем значении, но и определенным образом обособленным, ограниченным специфическими смысловыми оттенками. По сравнению со словами *особа* и *персона* оно является более широким по смыслу, более свободным от экспрессивных наслоений (ведь *особа* и *персона* относятся преимущественно лишь к лицам определенного социального круга; они постепенно, в это время социальных переоценок, становились словами иронического лексикона). По широте своего смысла *субъект* ближе стоит к таким словам, как *лицо* и *личность*. Но вместе с тем оно все-таки уже слова *лицо* и в определенном отношении специфичнее, чем слово *личность*. На смысловом ограничении слова *субъект* лежит отпечаток его предыдущей истории, его первичного спе-

¹⁴⁴ Ср. определения в словарях иностранных слов 60-х гг. Напр. у Гейзе: «Лицо, которое говорит: человек». У Толля впервые также указывается: «В медиц. — субъект — человек в патологическом отношении».

¹⁴⁵ Субъект как лицо страдательное.

¹⁴⁶ Видимо, эта повесть принадлежит перу Д. И. Писарева и отражает свевие еще впечатления от пребывания его в психиатрической лечебнице в 1860 г.

циального употребления. Если слово *личность* прежде всего обозначает лицо как социально и интеллектуально активную единицу, лицо как носителя сознания и самосознания, то *субъект* дает оценку лицу со стороны наблюдателя, это — лицо как всякое живое существо, подверженное действию окружающих условий. Поэтому особенно часто, уже в публицистике 60-х гг., слово *субъект* применяется к лицам страдательным, пассивным, неразвитым, ограниченным и т. д. Ср. хотя бы следующие из очень многочисленных примеров: «Между педагогами, точно так же, как и между людьми всех остальных профессий, встречается гораздо больше дюжинных и ограниченных субъектов, чем умных и даровитых личностей» (Писар. (Павл.), IV, с. 497); «Самая безукоризненная пламенность любви не способна реабилитировать того субъекта, который сам по себе бесцветен и ничтожен» (Писар., IV, с. 73); «А сколько есть субъектов не вполне закоренелых» (выше речь шла о «закоренелых проходимцах», — Ю. С.) (Салт., XII, с. 540); «Всеми этими качествами обладали разные забубенные герои старых московских трактиров. Вероятно, Гопчаров с одного из подобных субъектов и списал своего Марка» (С. Окр-ц [Окрейц]. Журналистика 1869 г.; Дело, 1869, № 9, с. 87) и т. д. Несравненно реже употребление слова *субъект* без этих ограничительных оттенков, как простого синонима слов *лицо*, *человек*, в том числе в отношении к личностям активным, мыслящим и т. д. Ср., напр.: «Необходимо такое нравственное учение, .. которое основывалось бы на началах, близких каждому человеку без исключения, и было бы понятно каждому развитому субъекту» (Дело, 1869, № 7, Новые книги, с. 36); «Человеку дан в обладание шар земной, и я горжусь, я радуюсь, что мне, Апатолию Суровцеву, одному из этих субъектов, принадлежит на этом земном шаре кусок земли, который я могу связать со своим именем» (Е. Марков. Черноземные поля; Дело. 1876, № 2, с. 136).¹⁴⁷

При таких семантических ограничениях, естественно, и само слово *субъект* постепенно подвергалось действию экспрессивных ограничений. На нем все чаще проступали, особенно в разговорном употреблении, краски неодобрительной или проницательной и осуждающей оценки. Ср.: «Илья Никитич! Это было до крайности забавно. Нашел пример нравственного падения. Человек живет очень скромно. Вот ты, братец, точно субъект, а не Илья Никитич» (Черн., XII, с. 10); «И знаете, когда дойдем до философского взгляда, то скажешь, как немцы говорят: „in der Nacht sind alle Katzen grau“. „Субъект!“ подумал Телепнев» (Бобор., В путь-дорогу. III, с. 14).

На этой почве и сложилось в новом просторечии интеллигентного и полунинтеллигентного круга к концу века особое, сильно экспрессивно окрашенное употребление слова *субъект* для обозначения человека отрицательных свойств, низменных качеств (ср. аналогичную эволюцию слова *тип*).

Близкую по своему общему характеру эволюцию проделало в это время и слово *экземпляр*. Толковые словари первой половины XIX в. отмечают лишь одно употребление этого слова применительно к книгам и др. печатным изданиям («один отпечаток»). Акад. П. И. Кеппен, собирая в 1850—1860-х гг. материалы, дополняющие словарь 1847 г., отмечает, что это определение нужно распространить также на любое собрание предметов («одна вещь, одна штука»). Такое употребление укоренилось прежде всего в терминологии естественных наук.¹⁴⁸ Отсюда оно, в определенном контекстовом окружении, переносится в литературе 60-х гг. и на отдельное лицо. На переносный, зависимый характер та-

¹⁴⁷ Впрочем, это слова героя романа — медика по образованию, — Ю. С.

¹⁴⁸ Ср. и пример в этих материалах Кеппена: «1000 экземпляров растений (т. е. единичных или отдельных штук)».

кого употребления отчетливо указывает фразовое окружение (ср. сочетание *экземпляр* какой-либо *породы*). Напр.: «Среди выродившихся субъектов человеческой породы замечателем был бы экземпляр, настолько сохранивший в себе первоначальный тип человечества, что никакими силами нельзя стереть и уничтожить его» (Добр., VI, с. 199); «Та доза способностей, которая необходима для того, чтобы человек мог приступить к изучению ремесла, встречается обыкновенно у всех нормальных и здоровых экземпляров человеческой породы» (Писар., III, с. 373); «Это [Фома Опискин] чрезвычайно любопытный экземпляр волчьей породы» (Михайловск., V, с. 17) и т. п.¹⁴⁹ Часто в этом смысле и вне данных сочетаний. Ср.: «И даже способ продажи [женщин] все еще довольно ничтожен и бесстыден, как это можно видеть на нескольких экземплярах свах, выведенных Островским в разных его комедиях» (Добр., V, с. 127); «Телепнев увидал, что немцы гораздо простодушнее, нежели кажутся. Некоторые экземпляры поражали даже своей наивностью» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 104); «А молодой Адуев, этот второй экземпляр Веры, только в мужских панталонах» (Н. Шелгунов. Талантливая бесталанность; Дело, 1869, № 8, с. 23) и т. д.

Отличие эволюции этого слова от развития предыдущего (*субъект*) — только в степени связанности нового осмысления с первичным значением. У слова *экземпляр* она несомненно сильнее. Слово *субъект* как специфическое обозначение лица сделалось с течением времени свободным, не зависимым от первоначальных естественнонаучных ассоциаций.

Чужейдний и произв. Из разнообразных терминов, имеющих отношение к рубрикам биологической классификации, лишь единичные получили переносное употребление. Помимо слова *паразит*, наиболее устойчивым в этом смысле оказалось прил. *чужейдний*. Переносное употребление его в сложениях с разными существительными идет от 60-х гг. Ср.: «Этим чужейдным татарам [крепостникам] подобны деньги, и какими бы злодействами они их ни получали, им все равно» (Герц., XV, с. 43); «Такой удар.. оканчивал чужейдную австрийскую империю, призывал к жизни славян и мадьяр» (там же, XIV, с. 114—115); «На таком чисто качественном значении денег.. основана фактическая всепоглощающая чужейдная их монополия» (Н. Соколов. Начала народного хозяйства; Русск. слово, 1862, № 5, с. 34); ср. также: «Читатель, вероятно, понимает уже теперь, что я называю чистым искусством и почему я считаю несраведливым ограничивать область этого чужейдного растения тем крошечным палисадником, в котором разводятся для барской потехи эстетические рецензии, розовые романы и благоухающие стихотворения» (Писар., II, с. 335). См. и отдельные случаи индивидуальных новообразований, опирающихся на это переносное употребление. Напр.: «Задумывая какое-нибудь предприятие, мы на первых же порах только о том и печалимся, как бы пристроить к нему чужейдство» (Салт., VII, с. 247); «Если почва тоща, ..ее надо удобрить, ..разрыхлить глубокою пахотою, ..а не чужейдничать, оставляя высыхать свои корни» (Н. Данил., с. 61).

Из более редких случаев отметим переносно-образное применение термина *травоядний*. Напр.: «Энтузиазм не мешает приберегать на другие случаи, более торжественные, о которых травоядные эстетики не имеют понятия» (Писар., III, с. 46); «Такая травоядная кротость составляет очень жалкую добродетель как в частном человеке, так тем более в историческом деятеле» (Писар. (Павл.), III, с. 559).

¹⁴⁹ Ср. и свидетельства современников: «С этим связано и уважение к лучшим представителям, к лучшим образцам, экземплярам (выражаясь как натуралист) человечества, — к великим людям» (Д. Аверкиев. Университетские отцы и дети; Эпоха, 1864. № 3, с. 313).